

УДК 101

В.В. Габеев

кандидат философских наук, доцент

Горский государственный аграрный университет

г. Владикавказ, Россия

redaction-el@mail.ru

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

[*Gabeev V.V. Search of identity in modern world*]

Modern globalized culture loses the moral roots, which makes it stable and not prone to various negative changes. The old morality is rejected and pluralistic-chaos world creates a simulacrum, negative, print morals, but distorts the content. It is stated the main reason for the sharp universal search for identity. It is alleged that the unification lies in pseudo-morality and leveling of moral values was the cause of all the outburst and all kinds of identities in the world.

Key words: identity, morality, ethics, social values, simulacrum, meaning of existence, thinking, ways of thinking, civilization, globalization.

В мире все чаще и острее протекают процессы, которые исследователи пытаются понять и описать. Однако в силу фрагментарности современного мышления, способ описания и понимания тех или иных проблем сводится к изучению когнитивных установок, девиантности поведения, личностной психологии, социологических опросов и т.д. Это, безусловно, важно и интересно, но никоим образом не приводит нас к пониманию истоков актуализировавшихся в XXI в. проблем, особенно, связанных с пониманием своей непохожести, исключительности и т.д., одним словом всего того, что можно назвать идентичностью. В начале 70-х гг. XX в. К. Леви-Стросс утверждал, что кризис идентичности станет новой бедой века и прогнозировал изменение статуса выдвинутой проблемы: социально-философское и психологическое рассмотрение расширится до междисциплинарного подхода.

Безусловно, свой отпечаток на исследование проблемы идентичности наложила работа З. Фрейда «Групповая психология и анализ Эго», написанная в 1914 г., где понятие идентификация было использовано исключительно в психологическом контексте. З. Фрейд рассматривает идентификацию не только как бессознательную эмоциональную связь ребенка с родителями, но

и как важный механизм взаимодействия между индивидом и социальной группой. Однако не З. Фрейд, а Э. Эриксон сформулировал концепцию идентичности и вывел ее на центральное место в современной социальной теории. Именно Э. Эриксон ввел понятие кризисов личностной идентичности и подчеркнул их неразрывную связь с кризисами общественного развития.

По мнению Э. Фромма, одной из ведущих человеческих потребностей является потребность в связи с окружающим миром, потребность избежать одиночество, что достигается путем самоотожествления с какими-либо идеями, ценностями, социальными стандартами, т.е. путем формирования социальной идентичности. Плюрализм выбора и расширение путей самореализации сталкиваются с неподготовленностью человека принять столь свободное одиночество и вызывают вследствие этого поиск таких связей с миром, которые уничтожают индивидуальность человека. Исчезает различие между собственным Я и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием. Здесь уже более глубоко вскрыта проблема кризиса идентичности, связанная с типом мышления человека.

Классическая философия изучила два типа мышления: мышление «о» и мышление «в». Мышление «о» предполагает направленность на объект, «о» котором оно может что-то узнать, знать. Гегель считал такое мышление универсальным в силу его способности постигать истину любого предмета. Сама эта способность обусловлена тождеством бытия и мышления: если сущностью вещей является всеобщее или мысль, то все с чем сталкивается логическое мышление может быть логически понято, познано и объяснено. Задача мышления «о» – познать всеобщее всех вещей, т.е. прояснить логическое содержание всего, что есть на небе, на земле и в духе. Оно «проясняет» не только логическое содержание предмета, но и ход своей деятельности, контролируя себя в рефлексии. В таком мышлении всегда существует противостояние «Я – не-Я», а движение мысли здесь направлено от субъекта к объекту. Стремясь к постижению истины, мышление «о», по самому своему определению, не должно впускать в пространство своей деятельности экзистенциально-личностную озабоченность познающего. Он обязан отдать «себя во власть предмета», элиминировав при этом свою психологическую индивидуальность, социально-культурную и историческую ангажированность. Мышление «о» не должно быть «замутнено», «запятнано» никакими жизненными уста-

новками познающего субъекта. Субъектом познания является лишь чистая мысль, достоинство которой в том, что она есть деятельность объективного разума в субъекте и через субъекта. То есть мышление «о» «состоит лишь в том, что сознание ведет себя как объективное, как освобожденное от всякой партикулярности частных свойств, состояний и т.д. и производит лишь всеобщее, в котором оно тождественно со всеми индивидами» [7, с. 14].

В XX веке эпистемология признала наличие неявного, личностного знания (Полани), которое трудно эксплицировать в понятиях. Какое мышление продуцирует его? Как показал еще К. Маркс, естественная форма общественной жизни реализуется спонтанно. Ее протекание всегда сопровождается мышлением, которое вплетено «в язык реальной жизни». Такое мышление, в отличие от мышления «о», нерефлексивно, продуцирует неявное (т.е. трудно объективируемое) знание, которое не может быть полностью выражено в языке. Вплетенность этого мышления «в» логику дела и жизни позволяет терминологически обозначить его как мышление «в». Оно, как и мышление «о», направленно на объект, но в своей интенциональности не знает ни объекта, ни самого себя. Это обусловлено тем, что рефлексивные возможности мышления, непосредственно включенного в спонтанные акты деятельности и действия, ограничены: «спонтанность действия», по определению, протекает вне контроля мышления и «воления». Мышление «в» присуще подавляющему большинству людей во все века. В «чистом» виде оно обнаруживает себя в мифе.

XX век открыл такие ситуации, где работает мышление, не тождественное мышлению «о» и «в». Например, как можно помыслить то, что невозможно для нас пережить «здесь и сейчас», что выходит за пределы нашего опыта? Очевидно, что здесь обнаруживается беспомощность описанных выше форм мышления, что побудило мыслителей постмодернистского толка ввести понятие мышления «к». Мыслить «к» – бросаться разумом на встречу «к» тому, что скрыто от нас невозможностью пережить это «здесь и сейчас», то есть находиться в ситуации, которая выходит за пределы нашего опыта. Мышление «к», как об этом пишет В. Подорога [10, с. 99], ненавидит дискурс и сам язык в силу того, что язык – это проект. Мышление «к» призвано обеспечить адекватность действий без заранее спланированного строительства, предприятия, то есть без проектирования.

Все более углубляясь в истинные причины кризиса идентичности, мы подошли к вопросу о том, как вообще возможно описание идентичности, ведь для это необходимо использовать мышление «о», которое не работает в массовом сознании, и тем более при описании психо-соматических и когнитивных установок личности.

Идем еще дальше. Человек пытается, явно или неявно, зафиксировать свое место в мире, обозначить его, а значит сделать его устойчивым, что возможно только в случае совпадения индивидуальных и социально транслируемых ценностей.

Любое человеческое общежитие, какова бы ни была его структурная, властно-политическая, правовая, а тем более религиозная типологическая спецификация, реализует особые формы трансляции своих фундаментальных ценностей. Эти формы укоренены в социальности посредством обряда, ритуала, традиции, верования и т.п., т.е. всего того, что выходит за жесткие рамки картезианской логики, представляя собой особую, неустойчивую, неоформленную стадию определенной знаковой деятельности, обладающей непрерывной длительностью и движением, еще не опредмеченной властью, цензурой и, безусловно, объективной реальностью.

Современная постнеклассическая традиция в социальной философии вычленяет «трехчленную стадийную схему» социальной истории. Во-первых, первобытное, а, по сути, докапиталистическое общество. Во-вторых, общество «политической экономии», т.е. непосредственно капиталистическое. И, наконец, в-третьих, современное состояние общества, где ценности «политической экономии» уступают место симулякрам социального бытия.

Обратимся к рассмотрению той схемы социальности, которая получила наименование до-современности или Традиции. Следует оговориться, что Традиция здесь понимается как «совокупность сакральных знаний, восходящих к примордиальному и нечеловеческому божественному источнику» [5, с. 40].

В до-современных культурах обряд, ритуал, традиция как особые формы трансляции базисных ценностей открыто циркулируют по всей протяженности «вещей», в них (в этих базисных ценностях – Г.В.) еще не «выпало в осадок» означаемое, а потому у них нет никакого основания или истинного смысла» [3, с. 180].

Однако любая попытка получить знание, т.е. активно отразить и воспроизвести объективные закономерные связи и отношения реального мира, приводит к

диалектическому противоречию S-O, где субъект (S) познает объект (O). Процесс познания детально описан, поэтому для нас важен лишь следующий момент. В процессе познания снимается противоречие между субъектом и объектом только тогда, когда субъект как бы отождествляет себя с объектом, и наоборот. Но если для субъекта это отождествление есть самоделание, то для объекта – умирание. Отмена объективности есть «усыпание». Высшая субъективность относится к низшей как к объекту и, следовательно, пытается снять с него «личину» объективности, т.е. «усыпить». Такая ситуация свойственна рациональным культурам и, как показал Гегель, она приводит к «дурной бесконечности». Традиция выработала механизмы для борьбы с этой бесконечностью, в частности, снятие субъект-объектной двойственности возможно в Абсолюте, в Боге.

В Традиции, где метафизика определяла бытие самой культуры, знание, понимаемое как Логос, стояло в центре миропорядка и служило критерием социальной иерархизации. Знание, потенциально воспринимаемое человеком, могло бы, естественно, исказиться, а в пределе и потеряться. Средством сохранения сферы чистого знания служил ритуал инициации. Ритуал понимается как нечто, что подчиняется порядку, есть форма социального поведения. Ритуал вскрывает, проявляет ценности человеческого сообщества, формирует саму социальность, так как выражает то, что волнует человека в первую очередь.

М. Вебер, и Э. Дюркгейм, а вслед за ними и большинство ученых, описывают социальность, отказавшуюся от ритуала. Они фиксируют модель «одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума» [6, с.16]. Эта «одномерная» социальность не является даже не-Традицией, ибо в ней господствуют псевдореальные симулякры, т.е. вырожденные копии реального бытия.

Сама же Традиция определена через следующий порядок связей:

- связи со сферой сакрального, религией, мистикой и магией, т.е. с тем, что непосредственно указывает на Логос или Абсолют;
- связь эзотерического и экзотерического опытов, что, в свою очередь, также указывает на «нерасчлененно-моральное» сообщество.

Можно утверждать, что социальность Традиции отличается символическим отображением единства общества и его фундаментальных ценностей, в

основе которых лежат «коллективные представления»; социальность Традиции – это сообщество, обладающее сакральной природой.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос, а что является ценностным маяком в современном мире, делающим его устойчивым?

Безусловно, проблема устойчивого бытия современной культуры как составляющая всей онтологической проблематики, одна из центральных в философии. М. Хайдеггер считал вопрос о бытии основным философским вопросом. Ортега-и-Гассет утверждал, что бытие – сущность философии, а пересмотр идеи бытия означает коренной пересмотр философии. Взяв термин «бытие» из повседневного греческого языка, античные философы использовали его для обозначения не просто существования, а того что гарантирует существование человека и мира. Однако современность, в силу «выпадения» индивидуального человеческого существования из всеобщих связей и отношений, потеряла онтологическую обоснованность таких гарантий. Все в мире и человеческой жизни стало бесформенно и нестабильно, человек разучился идентифицировать себя. Люди потеряли жизненную прежнюю опору, и как считает Ортега-и-Гассет, такая потеря вызвала массовую эпидемию страха, отчаяния, даже ужаса. Нужны новые ориентиры и опоры. Один из таких ориентиров – установление и понимание своей социокультурной и этно-национальной идентичности.

Существует два способа установления человеком своей идентичности: 1) через отношение к чему-то, что превышает человеческое существование, являясь чем-то не- и над-человеческим. Это прежде всего Бог или боги; 2) через отношение к другим людям.

Новая же мировая архитектура предполагает, что в мире не должно быть границ, и по миру должны спокойно передвигаться люди, идеи, технологии и капиталы. Жак Аттали – директор Европейского банка реконструкции и развития начала 90-х годов – говорил, что цивилизация XXI века – это цивилизация кочевников и убеждал, что покончив с любой национальной привязкой, порвав семейные узы, заменив все это миниатюрными микропроцессорами, человечество получит сообщество граждан–потребителей из привилегированных регионов мира [2].

Таким образом, кризис идентичности и причины интереса к ней – это неизбежный ответ на процессы глобализации, главная задача которой, видится, в социокультурном аспекте, в отказе от культуры, традиций, веры, языка, семьи, а в пределе в отказе от нравственных ценностей как та-

ковых. Нравственное начало, как универсальная реальность человеческой жизни, должна присутствовать во всех сферах бытия и выполнять онтологическую функцию формирования структуры бытия. Формирование – это то что противостоит закону распада и хаоса.

Современная глобализирующаяся культура утратила нравственность. Можно перефразировать Х. Ортегу-и-Гассета [9] и заявить, что прежнюю нравственность массовый человек отверг не ради новых ценностей, а ради того, чтобы жить вообще без таковых. Современный плюралистично-хаосийный мир не просто отрицает мораль и нравственность, он создает симулякр, негатив, оттиск морали, сохранив форму, но исказив содержание. Именно это и явилось причиной повсеместного поиска идентичности. Можно утверждать, что унификация псевдо-морали и нивелирование нравственных ценностей и явилось причиной всплеска всех и всякого вида идентичностей в мире.

Идентичность формируется в рамках социальных ценностей, определенного мировоззрения, норм поведения, общих идеалов, ментальности и др. Различные существенные исторические события и моменты влияют на проявление и сохранения идентичности, с одной стороны, направляя самоосуществление личности социального субъекта, с другой – помогая в приобретении смысла существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Н.А.* Социокультурные образцы как эффективное средство духовного возрождения семьи и общества // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3.
2. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. Победители и проигравшие наступающего мирового порядка. М., 1993.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000.
4. *Гончаров В.Н.* Общественная информация и политическая система общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3.
5. *Дугин А.* Русское Православие и инициация // Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997.
6. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.

7. *Матяш Т.П.* Сознание как целостность и рефлексия. Ростов-на-Дону, 1988.
8. *Несмеянов Е.Е., Колосова О.Ю.* [Информационная культура в контексте глобальных процессов](#) // [Гуманитарные и социально-экономические науки](#). 2014. № 3.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 1991.
10. *Подорога В.* Выражение и смысл. М., 1995.
11. *Финько М.В.* Проблема межличностного общения и духовный кризис: культурологический анализ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 3.

REFERENCES

1. *Ageeva N.A.* Social and cultural patterns as an effective means of spiritual rebirth of family and society // Humanities and social sciences. 2012. № 3.
2. *Attali J.* On the threshold of a new millennium. Winners and losers of the coming world order. М., 1993.
3. *Baudrillard J.* Symbolic exchange and death. Moscow, 2000.
4. *Goncharov V.N.* Public information and the political system of society // The Humanities and socio-economic sciences. 2010. № 3.
5. *Dugin A.G.* Russian Orthodox and the initiation // End of the World (eschatology and tradition). М., 1997.
6. *Marcuse H.* Dimensional Man. М., 1994.
7. *Matyas T.P.* Consciousness as the integrity and reflection. Rostov-on-Don, 1988.
8. *Nesmeyanov E.E., Kolosova O.J.* Information Culture in the context of global processes // Humanities and socio-economic sciences. 2014. № 3.
9. *Ortega-y-Gasset* Revolt of the Masses. М., 1991.
10. *Podoroga B.* Expression and meaning. М., 1995.
11. *Finko M.V.* The problem of interpersonal and spiritual crisis: cultural analysis // Proceedings of the higher educational institutions. North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2005. № 3.

20 ноября 2015 г.